

УДК 327.51

ТАКТИЧЕСКОЕ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ США В ЕВРОПЕ И ПОЛИТИКА НАТО

© 2016 г. Ю.И. Надточей*

Статья поступила в редакцию 25.08.2015.

В представленной статье рассматривается процесс трансформации ядерной политики США в рамках блока НАТО. Автор даёт оценку роли и места тактического ядерного оружия в стратегических планах США и НАТО, перспектив его модернизации, делает прогнозы относительно возможности его вывода из Европы. При этом рассматриваемая проблема помещена в общий контекст современной ситуации в сфере европейской безопасности и анализируется с позиции российских интересов.

Ключевые слова: НАТО, ДНЯО, СНВ, нераспространение ОМУ, ядерное сдерживание, ядерное разоружение, тактическое ядерное оружие, европейская безопасность.

На протяжении многих десятилетий и до сегодняшнего дня ядерная политика и стратегия НАТО оставались наиболее консервативной сферой, относящейся к коллективной обороне Североатлантического альянса. Сложившаяся фактически ещё на заре «холодной войны», она претерпела только частичные, в большей степени количественные (сокращение запасов ядерного оружия), нежели качественные (ядерное планирование) изменения.

С 1953 и по 1991 год ядерная составляющая военно-политической стратегии НАТО прошла долгий путь эволюции, начиная от самых простых форм сотрудничества – размещения первых ядерных объектов США на территории западноевропейских стран – членов НАТО и заканчивая более совершенными схемами взаимодействия в рамках интегрированной военной структуры блока.

Совершенствовался также арсенал ядерного сдерживания, имевшийся в распоряжении как американских ВВС и ВМС, подчинявшихся Европейскому командованию США (параллельно командованию НАТО), так и их союзников (Великобритании и Франции). С годами этот арсенал пополнялся всё новыми видами и классами вооружений – от гравитационных авиабомб, до крылатых и баллистических ракет морского и наземного базирования.

Особая роль в общем наборе ядерных средств НАТО отводилась нестратегическому (субстратегическому) ОМУ, в первую очередь тактическим боепри-

* Надточей Юрий Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД РФ, член Совета Ассоциации евро-атлантического сотрудничества (АЕАС). Российская Федерация, 111395, г. Москва, просп. Вернадского, 76 (ynadtochey@yandex.ru).

пасам и средствам их доставки, предназначенным для применения непосредственно на театре военных действий. Комплекс мероприятий, нацеленных на развёртывание и поддержание в состоянии готовности таких средств вблизи потенциальной линии фронта, получил название «передового базирования» (*forward deployment*) [34].

В роли главной мишени для потенциального использования тактического ядерного оружия (далее ТЯО) выступали дислоцированные в Центральной и Восточной Европе многочисленные группировки сухопутных войск СССР и стран Варшавского договора.

В силу своего количественного превосходства они рассматривались странами НАТО в качестве противника, не поддающегося сдерживанию исключительно силами общего назначения, а потому требующего более решительного отражения при помощи ТЯО.

Разрабатываемые НАТО сценарии применения ТЯО в гипотетическом столкновении с советскими войсками прорабатывались ещё в рамках доктрины «гибкого реагирования». Она предусматривала возможность применения ТЯО в ограниченном ядерном конфликте с целью его последующей дэскалации. Это позволило бы избежать перерастания «малой» войны в «большую» и использования стратегических ядерных сил (СЯС) США и их союзников по блоку [8].

При этом на фоне так и не реализовавшейся американской затеи с созданием многосторонних ядерных сил, способных собрать в единый пул потенциалы трёх основных ядерных стран НАТО (США, Великобритании, Франции и примкнувших к ним безъядерных членов блока), Вашингтону и его союзникам пришлось ограничиться более скромными задачами общего ядерного планирования в рамках так называемой концепции «совместного управления ядерным оружием» НАТО (*NATO nuclear-sharing*). Именно она стала своего рода упрощённой версией некогда задуманной концепции многосторонних ядерных сил, призванной обеспечить общий доступ к «красной кнопке» как ядерных, так неядерных стран – членов НАТО.

Начавшиеся в конце 1980-х годов масштабные сокращения нестратегических ядерных вооружений, определили границы совместного управления ядерным оружием преимущественно сферой ТЯО. Причём, единственным обладателем такого оружия на иностранной территории в конце «холодной войны» остались только Соединённые Штаты. К началу 2000-х годов на территории пяти европейских стран – членов НАТО осталось около 180 ядерных авиабомб типа *B61*, которые могут доставляться тактической авиацией двойного назначения США и их союзников [9].

Исходя из этого факта, не было бы ошибкой охарактеризовать концепцию совместного управления ядерным оружием как *комплекс особых мер по ядерному планированию, транспортно-логистическому и складскому обеспечению эксплуатации американского ТЯО, его физическую защиту, а также мероприятия по эксплуатации специальной авиации «двойного» назначения, осуществляемые как ядерными, так и неядерными странами НАТО на совместной основе.*

Под воздействием процессов сокращения ОМУ, в том числе и запасов ТЯО, в 1990-е годы концепция совместного управления также подвергалась плавной эрозии. Постепенно американские тактические арсеналы превращались из действенного механизма сдерживания потенциальных противников альянса в

своего рода «бумажного тигра», призванного скорее просто символизировать союзническую мощь.

Вместе с тем США и их европейские союзники по блоку предпочитали не спешить с полным выводом ТЯО из Европы, что обуславливалось рядом причин.

Во-первых, ядерное сдерживание оставалось одной из немногих сугубо оборонительных функций НАТО, остававшихся в арсенале блока после расширения его зоны ответственности за пределы Европы, «глобализации» его целей и задач, напрямую не связанных с обороной стран-членов. Концепция совместного управления ядерным оружием, которая олицетворяла гарантии странам НАТО со стороны США, позволяла скреплять постепенно расходящиеся европейские и американские стратегии в области коллективной обороны, «разделять риски» между трансатлантическими союзниками.

Во-вторых, заострённость США на вопросах стратегического ядерного разоружения в сочетании с энергичными усилиями по укреплению режима нераспространения ОМУ несколько снижала остроту проблемы тактического ядерного оружия.

В-третьих, непредсказуемая и нестабильная ситуация в России, столкнувшейся после распада СССР со значительными проблемами разнопланового характера, неопределённость позиции Москвы в отношении своего арсенала тактического ядерного оружия, составлявшего по некоторым оценкам, до 2 тыс. единиц [24], служила для Вашингтона и его союзников дополнительным аргументом в пользу сохранения в Европе запасов американского ТЯО, пусть и «чисто символических».

К тому же в условиях нормализации российско-американских отношений в начале 1990-х годов, США и другие члены НАТО предпочитали не форсировать тему ТЯО на переговорах с Россией, чтобы не перегружать диалог с ней труднорешаемыми вопросами.

В то же время союзники по обе стороны Атлантики сохраняли надежду на окончательное решение вопроса по ТЯО в обозримом будущем. Об этом свидетельствовали и стратегические концепции НАТО 1991 и 1999 гг., фиксировавшие сохранение ядерного статуса альянса в постбиполярном мире, но, в то же время, подчёркивавшие необходимость дальнейшего сокращения запасов ядерного оружия [27, 28].

Однако препятствий на этом пути оказалось довольно много, так как приоритеты НАТО на рубеже веков были больше связаны со стратегией кризисного реагирования, гуманитарными интервенциями и вовлечённостью блока в локальные конфликты на европейской периферии (Балканы). Проблема ТЯО, воспринимавшаяся скорее как наследие «холодной войны», постепенно отходила на задний план, ожидая своей очереди на решение.

Хотя Вашингтон и продолжал неуклонно сокращать свои ядерные арсеналы в Европе в 2000-е годы, благоприятная ситуация для полного их вывода так и не сложилась. Международный разоруженческий процесс в начале XXI века замедлился, а военная политика США, напротив, обрела более агрессивный характер.

Совместное управление vs. нераспространение

Изменения в сторону ужесточения этой политики при администрации Буша нашли своё отражение в Ядерном обзоре (*Nuclear Posture Review*) США от

2002 г., содержание которого не было придано гласности. Избыточная секретность этого документа не способствовала гармонизации отношений между США и некоторыми европейскими членами НАТО, выразившими всё большую обеспокоенность односторонними военно-силовыми акциями Вашингтона на Ближнем Востоке (прежде всего в Ираке). Осуществляемые без должных консультаций с Берлином и Брюсселем, традиционно выступавших в роли реципиентов американского ТЯО на своей территории, эти действия подрывали существующую систему доверия в НАТО.

Не добавлял взаимопонимания между союзниками и повторный отказ США от ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) – договора, который уже был ратифицирован всеми другими членами НАТО. Заявления госсекретаря США К. Райс о возможном возобновлении ядерных испытаний [15], а также начатые исследования по разработке взрывных устройств малой мощности были встречены европейской общественностью с опасением [33].

Переход дискуссии по ТЯО в публичную плоскость не заставил себя долго ждать, а ряд исследований и докладов, обнародованных известными общественными организациями, придал проблеме тактического ядерного оружия США новое звучание. Оно сопровождалось периодическими информационными «вбросами» о завышенном количестве такого оружия (назывались цифры до 480 единиц) [13], а также слухах о повышенной уязвимости мест его хранения [33].

В свою очередь опросы общественного мнения, проводившиеся в 2006 г. в Бельгии, Германии, Италии, Нидерландах, Великобритании и Турции, подтвердили антиядерные настроения респондентов во всех странах, где американское тактическое ядерное оружие располагается в течение уже многих десятилетий. За Европу, полностью свободную от ядерного оружия, выступило подавляющее большинство опрошенных – от 63% в Нидерландах до 88% в Турции [21].

Оживились и экспертные дискуссии, которые достигли своего пика в 2005 г. в связи с приближением сроков очередной обзорной конференции по рассмотрению Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Наметившийся по её итогам очевидный кризис политики нераспространения, совпавший по времени с предпринимаемыми новыми ядерными государствами (прежде всего КНДР) действиями по подрыву режима ДНЯО, не мог не отразиться на тематике, связанной с совместным управлением ядерным оружием НАТО.

В частности, экспертное сообщество в очередной раз попыталось поднять вопрос о соответствии концепции совместного управления положениям Договора о нераспространении. Критики обращали внимание на противоречие этой концепции «духу» Договора по части статей 1 и 2, обязывающих стран-участниц, обладающих ядерным оружием, не передавать безъядерным государствам «ядерное оружие или другие взрывные устройства, а также контроль над таким оружием или взрывными устройствами ни прямо, ни косвенно», а тем, в свою очередь, не принимать от ядерных держав «оружия или других ядерных взрывных устройств, а также контроля над таким оружием или взрывными устройствами ни прямо, ни косвенно» [6].

В качестве более конкретных проявлений нарушений Договора называлась, в частности, система мероприятий по подготовке летного состава эскадрилий

ВВС «двойного назначения», имеющих на вооружении группы неядерных стран – членов НАТО. Их пилоты проходят подготовку по применению американского ТЯО с согласия американского командования и, следовательно, таким путём происходит косвенное распространение ОМУ.

Разночтения в трактовках этих статей между странами НАТО, с одной стороны, и группой неприсоединившихся и нейтральных стран – с другой, не являются чем-то новым. Впервые их наличие вскрылось ещё на стадии ратификации ДНЯО странами-участницами в конце 1960-х годов. С тех пор сообщество подписантов ДНЯО негласно разделилось на тех, кто в той или иной мере придерживался американской интерпретации Договора, и тех, кто выступал против неё.

Официальное толкование положений ДНЯО членами блока, прежде всего США, заключается в том, что Договор имеет юридическую силу исключительно в мирное время и не может быть применён в условиях войны. Принимая же во внимание саму процедуру передачи контроля над ЯО от США безъядерным членам НАТО – он происходит только перед непосредственным выполнением боевого задания пилотами союзной авиации, – американская сторона на всех обзорных конференциях ДНЯО настаивала на полном соответствии принципа совместного управления ядерным оружием как букве, так и духу Договора [1].

К тому же на фоне успешных шагов по приданию Договору бессрочного действия – события, тогда воспринимавшегося в качестве «победы режима нераспространения», достигнутой усилиями администрации президента Клинтона в 1995 г., – в Вашингтоне подчёркивали надуманность проблемы соответствия между концепцией совместного управления и ДНЯО и предпочитали не возвращаться к ней. Такой подход официальных властей США сохранился и при последующих американских президентах.

От «глобального ноля» к новому сдерживанию?

Вместе с тем приход к власти в Белом доме Б. Обамы в начале 2009 г. и смена администрации позволяла экспертам говорить о предстоящей корректировке американских подходов к ядерному разоружению и нераспространению, а также обещала союзникам США переформатирование американской военно-политической стратегии (в том числе её ядерной составляющей).

Для подобного оптимизма имелись весомые основания. Причём они были связаны не только с личностью и партийной принадлежностью нового главы американского государства, в котором Берлин, Париж и Брюссель стремились видеть более «проевропейского» президента по сравнению с его предшественником-республиканцем. На первый план выдвигались сугубо объективные обстоятельства, связанные с очевидным военно-силовым перенапряжением США, их чрезмерно раздутым военным бюджетом и кризисными тенденциями в экономике. Всё это требовало от американских властей уменьшения не только оборонных затрат, но и пересмотра приоритетов в области обеспечения национальной безопасности, включая новую, более «скромную» роль ядерного оружия в американской военной политике [20].

Таким образом, идея безъядерного мира, провозглашённая Б. Обамой в Праге в 2009 г. [23], не в последнюю очередь была связана с заметно сократившимся за республиканское десятилетие потенциалом влияния США на мировые дела – потенциалом, подорванным не только финансово-экономическим

кризисом, но и непропорционально жёсткой политикой в отношении внешнего мира (в том числе союзников и партнёров).

Однако разоруженческая риторика, отныне исходившая из руководимого демократами Вашингтона, не только открыла дорогу официальной дискуссии в НАТО по проблеме американского тактического ядерного оружия в Европе, но и в конечном счёте привела к появлению в 2010–2012 гг. новых концептуальных документов альянса, в том числе о роли ядерного оружия в его политике и стратегии.

Новая Стратегическая концепция НАТО (2010) и, обнародованный вслед за ней Обзор сдерживания и обороны (2012), лишь в некоторой мере прояснили позицию альянса в вопросе нестратегического ядерного оружия. Эти документы развеяли сомнения насчёт скорой денуклеаризации НАТО, постулировав намерения альянса «остаться ядерным до тех пор, пока существует ядерное оружие» [4], однако к окончательному урегулированию вопроса о будущем ТЯО США в Европе так и не привели.

В частности, Обзор только предписывал главному органу НАТО – Североатлантическому Совету и комитетам альянса «разработать концепции, позволяющие обеспечить максимально возможное участие стран НАТО... в их договорённостях о совместном пользовании ядерными средствами, в частности в случае, если НАТО решит снизить свою зависимость от нестратегических ядерных средств, базирующихся в Европе» [4].

Подобная формулировка фактически означала продолжение внутринатовской дискуссии о целесообразности американского ядерного присутствия в ряде европейских стран – членов альянса, Часть из них, преимущественно страны – реципиенты американского ТЯО (Германия, Нидерланды и Турция), известные своей традиционной приверженностью идеям нераспространения и разоружения и к тому же воодушевлённые затеей президента Б. Обамы о «глобальном поле», склонялись к постепенному выводу американских ядерных боеприпасов со своей территории. Другая же группа, представленная в основном странами Центральной и Восточной Европы (в частности Польшей) настаивала на их сохранении, не исключая даже собственного подключения к концепции совместного управления ядерным оружием в том или ином качестве [14, 35].

В целом же позиции европейских стран НАТО по вопросу о будущем ТЯО США в Европе не отличались постоянством, а их политика последовательностью. Это проявилось ещё в ходе встречи министров иностранных дел НАТО в Таллине в 2010 г., когда Бельгия, ФРГ, Люксембург, Нидерланды и Норвегия, идя на поводу у антиядерно настроенной европейской общественности, были полны решимости настоять на его выводе. Однако консенсус в НАТО по проблеме ТЯО на указанной встрече так до конца и не сложился. Официальные лица европейских стран – членов альянса периодически делали взаимоисключающие заявления. Например, министры иностранных дел ФРГ и Польши выступали за вывод американского ТЯО [18], в то время как министры обороны этих же стран настаивали на его сохранении [13].

Экономия против модернизации

Подобная двойственная позиция в отношении американского ядерного оружия в Европе не является чем-то новым. Безъядерные союзники США по альянсу (в первую очередь ФРГ) на протяжении многих лет настойчиво доби-

вались для себя расширения доступа к американской «ядерной кнопке», что позволило бы им корректировать в нужном для себя русле ядерную политику НАТО, и следовательно, и США. При этом ядерные державы Европы (прежде всего Франция) препятствовали им в предоставлении такого доступа [29].

Однако в последние годы политические соображения союзников, связанные с желанием повлиять на решения ядерной сверхдержавы, оказались отодвинуты на задний план. Причиной тому послужили, прежде всего, экономические неурядицы в Старом Свете, заставившие европейских членов НАТО заметно пересмотреть свои военные бюджеты (и, как результат, военные программы) в сторону уменьшения.

На сегодняшний день, в условиях финансово-экономического кризиса в ЕС, совместное управление американским ядерным оружием становится всё более проблематичным в силу постепенной утраты европейскими союзниками США потенциала, необходимого для выполнения обязательств в рамках этой концепции.

В первую очередь это касается выполнения намеченных программ по замене морально и физически устаревшего самолётного парка «двойного назначения» – затеи весьма дорогостоящей и слабо сочетающейся с бюджетной экономией средств, выделяемых на военные нужды в рамках так называемой «умной обороны» НАТО. Срок службы большинства фронтовых истребителей-бомбардировщиков европейских стран – участниц совместного управления ядерным оружием истекает уже в начале 2020-х годов. Это относится и к самолётам американского производства (*F-15E* и *F-16A/B*), и к европейским машинам (*PA-200 Tornado*), которые планируется со временем заменить на более совершенные истребители пятого поколения *F-35 Joint Strike Fighter*.

Некоторые страны НАТО, располагающие авиацией двойного назначения, уже подписали контракты с американской корпорацией «Локхид Мартин» о закупке *F-35*, а некоторые всё ещё ведут с ней переговоры. Однако даже в случае решения о приобретении таких машин (стоимость каждой составляет порядка 100 млн. долл.) не все из них будут приспособлены и сертифицированы под использование тактических ядерных бомб *B-61* [25].

Выход из этой ситуации возможен за счёт модернизации боевых самолётов, уже имеющихся в распоряжении Бельгии, Нидерландов, Турции и Италии. Власти этих стран могут последовать примеру Германии, объявившей о продлении сроков эксплуатации истребителей-бомбардировщиков «Торнадо» до 2025 г. [17], но подобное промежуточное решение вряд ли способно решить проблему в комплексе.

Даже согласно официальным планам американских военных, такая модернизация продлится до 2018 г. и затронет в первую очередь самолётный парк самих США. Очередь союзников, очевидно, наступит после и будет всецело зависеть от их собственных ассигнований на данные нужды, что представляется им малопривлекательной перспективой в период бюджетной экономии.

Как следствие, по мере снятия с вооружения «старых» боевых самолётов – носителей ТЯО отдельными странами альянса могут возрасти и риски появления бреши в концепции совместного управления ядерным оружием. Её европейские участники, пока ещё обладающие такими самолётами, окажутся попросту неспособны чисто физически «управлять» американским ядерным оружием совместно с военными из США. Следовательно, вопрос о целесооб-

разности пребывания на их территории самого этого оружия станет для Вашингтона отнюдь не теоретическим.

Подобный исход событий представляется не столь маловероятным на фоне углубляющегося разрыва между оборонными затратами США (до 75% всего бюджета НАТО) [30] и европейских стран – членов альянса. США, в отличие от своих союзников располагают несравненно большими возможностями для комплексной модернизации не только своих ядерных ВВС, но и предназначенных для них тактических ядерных боеприпасов. Об этом свидетельствует программа продления жизненного цикла ядерных боеприпасов (*Life Extension Program – LEP*), которая обойдется американским налогоплательщикам примерно в 10 млрд. долл. и продлит эксплуатацию европейского арсенала ТЯО США ещё примерно на 30 лет [11].

По завершении программы к 2019–2020 гг., ядерные бомбы *B-61* различных модификаций будут существенно модернизированы и превращены из свободно падающих в высокоточные. В результате мощность новой унифицированной бомбы *B-61-12* будет понижена, а радиоактивный эффект от её применения уменьшен за счёт использования новых технологий [22]. По сути, она сможет стать не просто политическим фактором сдерживания, а реальным операциональным инструментом решения конкретных боевых задач, например, поражения хорошо укрепленных подземных объектов военного назначения.

В то же время было бы ошибкой считать, что бюджет программы уже полностью свёрстан. Вопрос об окончательной смете по-прежнему остаётся открытым, и американским военным придётся не только её составлять, но и, возможно, неоднократно корректировать. При всей масштабности затрат США на оборону, их военный бюджет отнюдь не безразмерный, а реализация программы продления жизненного цикла ядерных боеприпасов в полном объёме способна отвлечь ресурсы от других, более перспективных военных проектов – создания нового стратегического бомбардировщика и новой крылатой ракеты.

К тому же, результативность программы *LEP* будет зависеть не только от её финансирования, но и от отношения к ней военно-политических кругов США и их европейских союзников. По крайней мере, в некоторых странах НАТО подобные планы совершенствования ТЯО США воспринимаются с оптимизмом. В первую очередь это касается соседствующих с Россией восточноевропейских членов блока, ранее опасавшихся вывода из Европы ядерных средств США и снижения американских гарантий безопасности «Новой Европе». Подобные страхи подпитывались также курсом Пентагона на сокращение численности американских войск и сил общего назначения на континенте, что с точки зрения некоторых союзников могло породить там опасный вакуум силы.

Другие же страны НАТО (преимущественно из Западной Европы) относятся к этому более сдержанно, не в последнюю очередь опасаясь ответной реакции России на новые американские инициативы. Такие опасения не выглядят обоснованными, учитывая взаимосвязь проблемы вывода ТЯО США с ответными шагами России по сокращению аналогичного класса вооружений.

Россия и тактическое ядерное оружие США

Традиционно негативное отношение Москвы к американскому ТЯО в Европе вряд ли можно считать чем-то необычным, принимая во внимание тот факт, что с 1953 г. – времени размещения первых ядерных сил США в Евро-

пе – и до 1989 г. их главной потенциальной мишенью считались СССР и его союзники по соцлагерю. Даже после завершения «холодной войны», вопрос об американских и натовских нестратегических средствах сдерживания никогда не терял своей актуальности для Российской Федерации. Лишь временами, на фоне прогресса в российско-американском разоруженческом диалоге по СЯС, успешный исход которых был неременным условием для дальнейшего диалога по ТЯО, риторика вокруг нестратегических вооружений приобретала меньшую остроту и эмоциональность.

В эти моменты Москва и Вашингтон предпринимали попытки переноса «опыта СНВ-1» и на тему ТЯО, которые в итоге заканчивались безрезультатно. В условиях отсутствия необходимой транспарентности и системы мер доверия в сфере ТЯО, сторонам не удавалось даже отдалённо достичь согласованного подхода к уничтожению его запасов. Нежелание российских и американских властей предоставить друг другу выверенные данные о местах его хранения, количестве единиц, разновидностях, превращало тему тактического ядерного оружия в своего рода «чёрный ящик», который не позволял партнёрам по переговорам сориентироваться, найти нужные точки соприкосновения и сделать необходимые шаги в сторону «тактической» денуклеаризации Европы.

Недостаточная прозрачность сферы ТЯО в значительной мере обусловлена и тем, что эксплуатация данного класса вооружений и его применение не осуществляется специально созданным для этой цели родом войск, как это имеет место в случае с СЯС. Традиционно ТЯО придано частям войск общего назначения, на которые и возлагается ответственность по их использованию. А поскольку таких частей много, само оружие также с трудом поддается учёту и контролю в рамках любых верификационных процедур.

Как следствие, любые шаги по уменьшению запасов ТЯО реализовывались Москвой и Вашингтоном не в рамках соглашений, устанавливающих набор чётких правил и процедур, а в виде односторонних инициатив, основанных на «жестах доброй воли» и негласных договорённостях. В основном они осуществлялись в виде встречных заявлений о намерениях сократить запасы ТЯО, которые были сделаны главами обеих стран ещё в начале 1990-х годов и получили собирательное название Президентских ядерных инициатив. Тогдашние главы Белого дома и Кремля (Дж. Буш, М. Горбачев и Б. Ельцин) пообещали друг другу не только широкомасштабные сокращения арсеналов ТЯО, но и высказались в пользу развития дальнейшего сотрудничества по нестратегическим средствам ядерного сдерживания [31] – задачи, казавшейся президентам вполне выполнимой на фоне благополучно завершившихся к тому времени переговоров по СНВ-1 и РСМД, а также стремительно набравшего скорость переговорного процесса по СНВ-2.

При этом, в отличие от уже апробированной договаривающимися сторонами на примере РСМД формулы «абсолютного нуля», Москва и Вашингтон решили воспользоваться иной схемой уничтожения запасов ТЯО. Она базировалась скорее на принципе «разумной достаточности», положенном в основу СНВ-1.

Уже к 1993 г. арсеналы ТЯО, принадлежащие США в Европе были сокращены на 85%. Уничтожению подверглись все боеприпасы на носителях наземного базирования, включая ракеты «земля-земля», артиллерию, мины, а также глубинные бомбы, зенитные ракеты и ракеты «воздух-земля». Крылатые ракеты морского базирования были сняты с боевых кораблей и подводных лодок. Количество объектов хранения также было сокращено на 80%, а оставшиеся

были оснащены более современными и надёжными системами безопасности [3]. Военная авиация двойного назначения также была переведена в режим пониженной боеготовности, исчислявшейся отныне не часами, а месяцами [26].

Со своей стороны, Россия также предприняла важные шаги в сторону уменьшения возможностей своего ТЯО, в первую очередь связанные с денуклеаризацией постсоветского пространства. К 1993 г. все запасы советского тактического ядерного оружия были вывезены из Белоруссии, Украины и Казахстана и сосредоточены исключительно на российской территории. В то же время Москва избежала масштабных сокращений ТЯО, аналогичных тем, что были осуществлены в сфере СЯС.

Отчасти выбор в пользу более осторожного пути сокращения ТЯО было обусловлен стремлением вчерашних противников по «холодной войне» к взаимной перестраховке, которое, в свою очередь, диктовалось условиями сохраняющейся неопределённости во взаимоотношениях между ними. Несмотря на заверения в дружбе и готовности к всестороннему углублению партнёрства, стороны предпочитали не спешить с планами полной деактивации и уничтожения боезарядов и средств доставки ТЯО. Отсутствие доверия и желание использовать привычные, устоявшиеся схемы отношений в духе доктрины взаимного гарантированного уничтожения в конечном счёте стали труднопреодолимой преградой не только на пути тактического ядерного разоружения, но и связанных с ним темам.

Для начала российским и американским лидерам было важно убедиться в работоспособности и эффективности разоруженческих режимов в рамках серии договоров по СНВ, что обуславливалось неразрывной связью между стратегическими и нестратегическими вооружениями. В дальнейшем им предстояло прояснить не менее острые вопросы, связанные с обычными вооружениями (в рамках ДОВСЕ), затем найти взаимоприемлемое решение по проблеме ЕвроПРО США, и только после этого приступить к поиску общей позиции по ТЯО. Однако именно здесь возник порочный круг, который переговорщикам, воспринимающим друг друга в качестве полупартнёров/полупротивников, невозможно было разорвать. Взаимувязка наступательных и оборонительных вооружений в духе взаимного гарантированного уничтожения значительно усложняла и без того многоплановый и многоаспектный разоруженческий процесс.

Так постепенно назрела патовая ситуация в многоугольнике СЯС – ТЯО – ПРО – обычные вооружения, при которой успех выполнения условий ДСНВ (Пражского Договора от 2010 года) и дальнейший диалог по нестратегическому ядерному оружию зависели друг от друга. А выполнение российской стороной обязательств по ДСНВ, в свою очередь, было поставлено Россией в зависимость от корректировки американских планов по развёртыванию элементов системы ПРО в Европе. Москва настаивает на предоставлении ей гарантий ненаправленности этой системы против российских ядерных сил. А так как Вашингтон не намерен ей их предоставлять, под вопросом остаются не только будущие переговоры по ТЯО, но и дальнейшее сокращение стратегических вооружений в рамках уже действующего ДСНВ.

В настоящее время стороны отказываются даже от взаимных подготовительных консультаций, пока не будут соблюдены предварительные условия для начала переговорного процесса. Так, в соответствии с поправкой Сената США, внесенной при ратификации Договора ДСНВ, приём ратификационных документов по этому договору может быть проведён США после согласия рос-

сийской стороны на переговоры по вопросу ликвидации дисбаланса в тактическом ядерном оружии России и США (поправка сенатора Дж. Лемье) [5].

В ходе ратификации ДСНВ российским Федеральным Собранием, парламентарии не высказали каких-либо возражений по данной поправке. Вместе с тем российский МИД, солидаризируясь с Минобороны, настаивал на необходимости вывода нестратегических ядерных средств США из Европы ещё до того момента, как будут начаты российско-американские переговоры по ТЯО.

Вряд ли следует сбрасывать со счетов и другие обстоятельства и препятствия, которые способны стать для договаривающихся сторон если не решающими, то, по крайней мере, отягчающими для них в плане достижения компромисса по ТЯО. Речь идёт об «учёте средств» других государств НАТО – проблемы, которая уже ранее возникала на (советско-) российско-американских переговорах применительно к СЯС. Традиционно тесная взаимная интеграция британских и американских ядерных сил и расширяющееся в последние годы франко-британское сотрудничество в военно-ядерной сфере, дополненные «возвращением» в 2009 г. Франции в интегрированную военную структуру НАТО, не добавили доверия в и без того напряжённые отношения между Россией и альянсом. Заявления о «независимом характере» ядерных сил отдельных стран НАТО, данные альянсом в его Обзоре сдерживания и обороны, по-видимому, также не воспринимаются российской стороной как успокаивающие. И хотя Великобритания избавилась от своих тактических бомб *WE 77*, а Франция располагает ракетами *ASMP-A*, которые не могут быть в полной мере отнесены к тактическому ЯО (скорее субстратегическому), сам факт наличия у других членов НАТО таких вооружений может повлиять на будущий переговорный процесс по ТЯО между Москвой и Вашингтоном. Особенно такой вариант развития событий возможен, если этот процесс со временем трансформируется в многосторонний диалог между РФ и НАТО в целом.

Наконец, превосходство стран НАТО над РФ в обычных (в том числе высокоточных) вооружениях поставило в общую российско-американскую ядерную повестку вопрос о перспективах Договора об обычных вооружённых силах в Европе. Причём вопрос этот был решён не в пользу договора, превратившегося в «мертвый» документ. Отвергнув ДОВСЕ, Москва не только предпринимает активные усилия по развитию сил общего назначения, но и по-прежнему рассматривает собственные арсеналы ТЯО как «последний довод королей», к которому она, согласно своей военной доктрине, готова прибегнуть в критической ситуации [2].

Конфликт на Украине и фактор ТЯО

В то же время натовским странам, акцентирующим внимание на высокоточных неядерных средствах и неуклонно снижающим роль ЯО в своих доктринальных документах, вряд ли имеет смысл руководствоваться подобными соображениями. Тем более, что факт наличия у них ТЯО не способен гарантировать их безопасность в случае разворачивающихся в сопредельных с территориями стран НАТО локальных конфликтов. Это подтвердили и прошлые войны в Югославии и нынешний конфликт на Украине, где вмешательство великих держав (РФ и США) стало возможным и при наличии во взаимоотношениях между ними механизмов ядерного сдерживания.

Следует отметить, что украинский кризис 2014 года, ставший своего рода локальным отражением нарастающего глобального российско-американского противостояния, вызвал наибольшие опасения именно у безъядерных стран Европы. Их беспокойство в этой ситуации вполне объяснимо, если учесть, что за 25 лет, минувших с окончания «холодной войны», европейские общества отвыкли от жизни в условиях постоянной ядерной тревоги.

Риск возвращения Москвы и Вашингтона к гонке вооружений, пусть и в облегчённой по сравнению с биполярным периодом версии, вызывает объяснимое беспокойство у лидеров и общественности многих европейских стран. Очевидно, что реализация подобного сценария будет стоить европейцам столь привычного им ощущения безопасности, а это, в свою очередь, заставит «европейское крыло» НАТО искать новые (по существу, хорошо забытые старые) форматы её обеспечения посредством корректировки отношений как с США, так и с Россией.

Без преувеличения можно сказать, что гражданское противостояние на Украине и косвенная вовлеченность в него России поставили перед трансатлантическими союзниками сложную дилемму: с одной стороны, форсированный вывод американского ТЯО из Европы представляется им несвоевременным и даже рискованным шагом, на который они вряд ли будут готовы пойти из опаски подать таким образом «ложный сигнал» России о готовности НАТО отступить. С другой – вмешательство Москвы в украинский конфликт девальвировало значимость тактических ядерных арсеналов США. На сегодняшний день их пребывание на территории Европы вызывает сомнения даже у ярых сторонников укрепления мощи НАТО [19]. Такое оружие всё больше расценивается как бремя, но отнюдь не актив, способный увеличить боевые возможности США и их союзников [7]. Более того, модернизированное ТЯО, вкупе с европейской системой ПРО США, в перспективе способно сыграть провоцирующую роль: «адекватные меры» Москвы, располагающей собственным внушительным арсеналом ТЯО, могут быть предприняты ею в условиях неразрешённой НАТО собственной дилеммы ТЯО, а также невнятной позиции блока по совместному управлению ядерным оружием. Это обстоятельство вряд ли добавит НАТО уверенности в собственной безопасности, особенно на фоне возникшего в Европе нового очага конфликтности на Украине.

Такая конфликтность, несомненно, способна ослабить позиции Евросоюза, сделать его более зависимым от внешних условий, формируемых не в Брюсселе и других европейских столицах, а в Москве и Вашингтоне. Как следствие, поле для манёвра у ЕС снизится, и для повышения своих позиций в военнополитической сфере членами Союза, одновременно являющимся и членами НАТО, возможно, придётся прибегнуть к проверенной со времен «холодной войны» стратегии «двойных решений» (наподобие «двойного решения» НАТО 1979 г.).

Фактически, это будет означать продолжение попыток европейских стран склонить Россию к диалогу по ТЯО через постепенную нормализацию отношений с ней. Она может реализоваться различными путями: постепенное ослабление санкционного давления, возобновление консультаций по широкому кругу невоенных вопросов, в равной мере важных для обеих сторон.

Незакрытыми остаются и возможности для продолжения диалога по теме нераспространения ОМУ, в том числе и по ядерной проблеме Ирана. Её поступательное решение при непосредственном российском участии становится

реальным вопреки довлеющему в отношениях между РФ и Западом украинским кризисным фактором. Более того, сам этот фактор, несмотря на опасения западной общественности, вряд ли способен обрести «ядерное измерение» в виде возможных попыток Киева обзавестись собственным потенциалом ядерного сдерживания.

По оценкам экспертов, такими возможностями украинская военная промышленность не располагала даже в советский период, не говоря уже о современном этапе её существования. Так как Украина служила лишь местом дислокации советских частей РВСН и сил общего назначения, имевших в наличии ТЯО, вся ядерная инфраструктура военного назначения в этой стране была демонтирована в соответствии с международными договорённостями ещё в середине 1990-х годов и на сегодняшний день восстановлению не подлежит [16].

Что касается настойчивых требований Киева о предоставлении ему дополнительных гарантий безопасности со стороны Запада, то они также вряд ли могут быть существенным основанием для развёртывания над Украиной «ядерного зонтика» США и НАТО.

Во-первых, таковой ей может быть предоставлен только в рамках полноценного членства в альянсе, которое даже на фоне быстрого сближения с ЕС и США выглядит весьма далеким и маловероятным событием. *Во-вторых*, даже статус полноправного члена НАТО автоматически не приведёт к размещению американского ТЯО на Украине в силу очень высокой рискованности такого шага для самого альянса.

В этой связи более реалистичным представляется сценарий, при котором европейские члены НАТО и их партнёры (в том числе Украина) будут оказывать непрерывное давление на Вашингтон с целью побудить его усилить американские гарантии союзникам по блоку, если не с помощью ядерных, то, по крайней мере, конвенциональных вооружений.

Впрочем, пойти на подобное усиление неядерного компонента сил сдерживания Соединённым Штатам непросто ввиду дальнейшего обострения отношений с Москвой, уже привыкшей к американскому ТЯО в Европе, но вряд ли готовой примириться с перспективой развёртывания новых, пусть и неядерных, но высокоточных ударных систем США вблизи собственных границ.

Однако с точки зрения союзников, в первую очередь находящихся на восточноевропейском фланге НАТО, предпосылки для привлечения американцев к европейским проблемам – даже на фоне декларируемой США переориентации с Евро-Атлантики на Азиатско-Тихоокеанский регион – вполне сложились [32]. И хотя на поверку эти предположения оказались не совсем верны, а президент Б. Обама лишь содействовал своим союзникам в той или иной ситуации (как в случае с Ливией) «из-за кулис», смена приоритетов НАТО стала очевидной. Альянс совершил переход от экспедиционных операций к планам по обеспечению собственной территориальной обороны, что даёт повод говорить о готовности блока больше концентрироваться на отношениях со своими «беспокойными» соседями на постсоветском пространстве и Ближнем Востоке.

Подобная концентрация альянса на проблемах территориальной обороны, очевидно, может обрести длительный характер не только по причине событий вокруг Украины. Предпосылки для сокращения альянсом своих глобальных амбиций обозначились уже на саммите в Лиссабоне в 2010 г., что говорит о плановом характере меняющейся географии присутствия НАТО.

В любом случае, актуализация для блока оборонительных функций позволяет на какое-то время затянуть решение вопроса о выводе ТЯО – вопроса, который уже не воспринимается как злободневный. Сохранение и дальнейшая модернизация американских тактических арсеналов ЯО в Европе, по крайней мере в обозримом будущем, позволит Вашингтону одновременно «убить двух зайцев»: сохранить лицо перед союзниками по НАТО, но при этом не дать Москве повода усомниться в незыблемости трансатлантических отношений.

К этому также можно добавить и группу азиатских союзников США, для которых крепость американско-европейского альянса будет показателем серьезности американских обязательств и по отношению к ним. Во всяком случае, именно такую аргументацию приводят сторонники сохранения ТЯО США на европейской земле.

* * *

Окончательный вывод ТЯО США из Европы возможен, однако вряд ли стоит ожидать такого развития событий в обозримом будущем. Для этого необходим целый комплекс условий, который пока не сложился. С одной стороны, крайне важна нормализация (или хотя бы стабилизация) российско-американских отношений, с другой – она невозможна до «затухания» и «заморозки» напряженности на Востоке Европы. Наконец, при любых обстоятельствах, самым важным условием, как при решении проблемы ТЯО, так и других связанных с ней более общих вопросов международной безопасности, представляется наличие у лиц, принимающих решения соответствующей воли.

Пока же таковую не спешат проявлять ни в Вашингтоне, ни в Брюсселе, ни в Москве. А это значит, что нестратегические вооружения будут ещё долгое время оставаться скорее предметом политических консультаций, дискуссий и академических дебатов, нежели реальных международных переговоров об их сокращении или тем более полной ликвидации.

Список литературы

1. *Анин А.И.* ДНЯО и концепция НАТО по «совместному управлению» ядерным оружием. // *Ядерный Контроль.* № 1 (71), Том 10. Весна 2004. С. 73–80. [*Anin A.I. Non-Proliferation Treaty and the NATO Concept of Nuclear-Sharing // Nuclear Control.* No. 1 (71), Vol. 10. Spring 2004. P. 73–80].
2. Военная доктрина Российской Федерации (новая редакция). Утверждена президентом РФ 26 декабря 2014 [The military doctrine of the Russian Federation (new version) approved by the President of the Russian Federation on December 26, 2014]. Available at: <http://www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html>.
3. Нестратегическое ядерное оружие. Проблемы контроля и сокращения. *А.С. Дьяков, Е.В. Мясников, Т.Т. Кадышев.* МФТИ, Долгопрудный, 2004 г. С. 40. [*Non-Strategic Nuclear Weapons. Issues of Control and Reduction. A.S. Dyakov, Ye. V. Myasnikov, T.T. Kadyshchev.* MFTI, Dolgoprudny, 2004. P. 40].
4. Обзор сдерживания и обороны. НАТО пресс-релиз (2012) 063, 20 мая 2012. [Deterrence and Defense Survey. The NATO Press Release (2012) 063, 20.05.2012]. Available at: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_87597.htm.
5. Amendment SA 4908 proposed by Senator Kerry for Senator LeMieux. Available at: <http://thomas.loc.gov/cgi-bin/query/C?r111:/temp/~r111xaqun3>.
6. *Butcher M., Nassauer O., Padberg T. and Plesch D.* Questions of Command and Control: NATO, Nuclear Sharing and the NPT. Published by the Project on European Nuclear Non-Proliferation (PENN), 2000. P. 23.

7. *Blechman B., Rumbaugh R.* Bombs Away. The Case for Phasing Out U.S. Tactical Nukes in Europe // Foreign Affairs. July/August 2014. Vol. 93. No. 4. Available at: <http://www.foreignaffairs.com/articles/141484/barry-blechman-and-russell-rumbaugh/bombs-away>.
8. *Burns R.D., Siracusa J.M.* A Global History of the Nuclear Arms Race. Weapons, Strategy, and Politics. Santa Barbara, Praeger, 2013. P. 264-265.
9. *Cimbala S.J.* Nuclear Weapons in the Information Age. Bloomsbury Academic, New York, 2012. P.138.
10. *Dodge M.* U.S. Nuclear Weapons in Europe: Critical for Transatlantic Security. 18.02.2014 // Backgrounder No. 2875 on National Security and Defense. Available at: <http://www.heritage.org/research/reports/2014/02/us-nuclear-weapons-in-europe-critical-for-transatlantic-security>. Accessed: 23.08. 2015.
11. Fact Sheet: The B61 Life Extension. Center for Arms Control and Non-Proliferation Program. Available at: http://armscontrolcenter.org/publications/factsheets/fact_sheet_b61_life_extension_program/.
12. German Nuclear Stance Stirs Debate // Arms Control Today, 4.12.2009. Available at: http://www.armscontrol.org/act/2009_12/GermanNuclearStance.
13. *Kristensen H. M.* U.S. Nuclear Weapons in Europe. A Review of Post-Cold War Policy, Force Levels, and War Planning. Natural Resources Defense Council, 2005. P.5. Available at: <http://www.nrdc.org/nuclear/euro/euro.pdf>.
14. *Kristensen H. M.* Polish F-16s In NATO Nuclear Exercise in Italy. Federation of American Scientists. 27.10.2014. Available at: <https://fas.org/blogs/security/2014/10/steadfastnoon/>.
15. Letter from C. Rice, Secretary of State to Honorable P. Domenici, US Senate, June 25, 2007.
16. *Moore Th.* The Role of Nuclear Weapons During the Crisis in Ukraine. The Lugar Center. 29.07.2014.
17. *Nassauer O.* Germany's Tornado Nuclear Weapons Carrier. Berlin-information Center for Transatlantic Security, January, 2013. Available at: http://bits.de/public/unv_a/orginal-tornado_eng.htm.
18. *Neukirch R.* Berlin Takes On Washington: German Foreign Minister Pushes for NATO Nuclear Drawdown // Der Spiegel, 25.02.2010; *Bildt C.* and *Sikorski R.* Next, the Tactical Nukes // The New York Times, 1.02.2010.
19. *Nichols T.* NATO's Tactical Nuclear Weapons Must Go – But Not Today // National Interest. 23.08.2014. Available at: <http://nationalinterest.org/print/feature/nato%E2%80%99s-tactical-nuclear-weapons-must-go%E2%80%94not-today-11137>.
20. Nuclear Posture Review Report. Washington, April 2010. Available at: <http://www.defense.gov/npr/docs/2010%20Nuclear%20Posture%20Review%20Report.pdf>.
21. Nuclear Weapons in Europe: Survey Results in Six European Countries. Study Coordinated by Strategic Communications for Greenpeace International, 25.05.2006. Available at: <http://www.greenpeace.org/international/Global/international/planet-2/report/2006/6/nuclear-weapons-in-europe-survey.pdf>.
22. Nuclear Weapons DoD and NNSA Need to Better Manage Scope of Future Re-furbishments and Risks to Maintaining U.S. Commitments to NATO. United States Government Accountability Office Report to Congressional Requesters. May 2011. Available at: <http://www.gao.gov/new.items/d11387.pdf>.
23. Remarks by President Barack Obama. Hradcany Square Prague, Czech Republic, 5.04.2009.
24. Stockholm International Peace Research Institute. Available at: <http://www.sipri.org/research/armaments/nuclear-forces/russia>. Accessed: 12.08. 2015.

25. Tactical Nuclear Arms Mission Could Shift Among NATO Jets // Global Security Newswire. March 26, 2014. Available at: <http://www.nti.org/gsn/article/aircraft-could-be-given-nato-tactical-nuclear-arms-mission/>.
26. Tactical Nuclear Weapons: Emergent Threats in an Evolving Security Environment / Ed. by *A. Brian, A. Millar*. P. 23.
27. The Alliance's New Strategic Concept Agreed by the Heads of State and Government participating in the Meeting of the North Atlantic Council. 7.11.1991. Available at: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_23847.htm.
28. The Alliance's Strategic Concept Approved by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Washington D.C. 24.04.1999. NATO Press Release NAC-S(99)65. Available at: http://www.bits.de/NRANEU/nato-strategy/Strategic_Concept_Washington_1999.pdf.
29. The United States and Germany in the Era of the Cold War, 1945–1968: A handbook, Vol.1. Cambridge, 2011. P. 237–239.
30. The Security and Defense Agenda (Future of NATO) Secretary of Defense Robert M. Gates, Brussels, Belgium, Friday, 10.06.2011. Available at: <http://www.defense.gov/speeches/speech.aspx?speechid=1581>.
31. The Presidential Nuclear Initiatives (PNIs) on Tactical Nuclear Weapons at a Glance. Published on Arms Control Association. August 2012. Available at: <https://www.armscontrol.org/factsheets/pniglance>.
32. The Wales Declaration on the Transatlantic Bond. 05.09.2014. Available at: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_112985.htm?selectedLocale=en.
33. U.S. Tactical Nuclear Weapons in Europe. A CND Briefing, October 2005. P.2.
34. *Vercamer B. W.* Contrasting Perspectives on Tactical Nuclear Weapons in Europe: Understanding the Current Debates // UNODA Occasional Papers No.24, December 2013. P.30–34.
35. *Węglarczyk B.* Potrzebujemy amerykańskich głowic nuklearnych w Europie // *Gazeta Wyborcza* on 23.07.2011. Available at: http://wyborcza.pl/1,76842,9995374,Potrzebujemy_amerykanskich_glowic_nuklearnych_w_Europie.html#ixzz1T7j7ZrtF.

U.S. Tactical Nuclear Weapons in Europe

(USA ❖ Canada Journal 2016, no. 2, p. 100–116)

Received 25.08.2015.

NADTOCHEY Yury Ivanovich, Moscow State Institute of International Relations (ynadtochey@yandex.ru).

*The article deals with the transformation of US nuclear policy within NATO. The author assesses the role of tactical nuclear weapons in U.S. and NATO strategic plans, the prospects of its modernization, and argues the possibility of its withdrawal from Europe. Thus the problem in question is analyzed in the context of the current issues of European security, and evaluated from the viewpoint of Russian interests. **Keywords:** NATO, the NPT, START, non-proliferation, nuclear deterrence, nuclear disarmament, tactical nuclear weapons, European security.*

About the author:

NADTOCHEY Yury Ivanovich, Cand. Sci. (History), Associate Professor at the Department of World Political Trends, Member of the Association for Euro-Atlantic Cooperation Council.